

АНТИЧНАЯ И РЕНЕССАНСКАЯ СЕМАНТИКА СМЕХА И ВИНА В РОМАНЕ ФРАНСУА РАБЛЕ «ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ»

Цисык А.З.

Белорусский государственный медицинский университет

Аннотация. Работа посвящена анализу семантики смеха и вина в романе Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Анализ проведен с учетом рецепции автором романа аналогичных мотивов в античной культуре.

Ключевые слова: ведущие мотивы романа «Гаргантюа и Пантагрюэль», античное наследие в романе Рабле, семантика раблезианского смеха, ренессансная семантика вина у Рабле.

Настоящая работа посвящена исследованию античных мотивов вина и смеха в романе Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Прежде всего, скажем несколько слов о жизни Франсуа Рабле. Он родился в 1494 году в северо-западной части Франции в окрестностях города Шинон у реки Вьенны – одного из крупнейших центров виноделия страны. В детском возрасте Франсуа был отдан в послушники в один из монастырей ордена францисканцев и в двадцатипятилетнем возрасте стал монахом. Здесь он изучал древнегреческий и латинский языки, естественные науки, филологию и право, и вскоре заслужил своими учеными изысканиями известность и уважение среди своих современников. Около 1527 года Рабле покинул монастырь для обучения медицине в университетах Пуатье и Монпелье, в 1534 – 1539 годах преподавал медицину в Монпелье и 22 мая 1537 года получил там звание доктора медицины. Свои последние дни он провел в Париже, умер 9 апреля 1553 года в возрасте семидесяти лет.

Роман Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» – это подлинная художественная энциклопедия народной французской культуры эпохи раннего Возрождения. Более подробно об этом можно прочитать в монографии известного филолога Михаила Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» [1]. Нас же больше интересует рецепция античной культуры в романе Рабле и творческая интерпретация античных мотивов смеха и вина.

Читая роман Рабле, мы видим, что это книга, полная постоянных ссылок на античных писателей и античных исторических деятелей. Только в сносках к тексту романа мы находим имена тридцати пяти греческих и двадцати двух латинских как самых известных, так и менее известных античных авторов. Но не меньше таких названий и в тексте романа, когда автор и его персонажи, развивая ту или иную тему или участвуя в различных по тематике дискуссиях, ссылаются на авторитет античных историков, поэтов или мыслителей или иллюстрируют свои слова примерами из

мифологии или античной истории. Так, в десятой главе первой книги, посвященной толкованию белого и голубого цвета, автор приводит высказывания Аристотеля, Прокла, Ксенофонта, Галена, Цицерона, Тита Ливия, Плиния, Авла Геллия, сведения из истории Греции и Рима, ссылается на Диагора Родосского, Хилона, Софокла, Дионисия, Филиппида, Филемона, Поликрапта, Ювенция и других. В главе десятой третьей книги «О деяниях Пантагрюэля», в которой Пантагрюэль доказывает Панургу, что советовать в вопросах брака – дело трудное, в словах дискутирующих персонажей встречаются ссылки на слова Гомера, Сократа, Вергилия, Платона, Цицерона. И если попытаться выделить ведущие мотивы романа Рабле, которые красной нитью пронизывают все его содержание, то среди них, на наш взгляд, таковых три: античность, смех и вино. К лингвистическим и культурологическим аспектам содержания романа, связанным с греко-римской античностью, мы будем обращаться постоянно на протяжении всего нашей статьи. А сейчас более подробно рассмотрим семантику смеха и вина в содержании романа.

Итак, события в романе Рабле постоянно сопровождаются смехом его героев или вызывают смех у читателя. Сам Рабле в предисловии к четвертой книге определяет такое смеховое мировоззрение как «пантагрюэлизм» т. е., по его словам, как «...глубокую и несокрушимую жизнерадостность, перед которой все преходящее бессильно...». А своеобразной визитной карточкой этого пантагрюэлизма являются, согласно Рабле, следующее утверждение: «Я свободен, здоров, весел и не прочь выпить!». Художественно этот «пантагрюэлизм» раскрывается в образах трех главных персонажей романа, которых можно назвать главными пантагрюэлистами романа Рабле. Первый и главный – это образ фантастического великана Пантагрюэля, который всегда невозмутим перед любыми превратностями фортуны и перед «всем преходящим». Значение имени своего героя толкует сам автор: «Имя дал ему отец, ибо **панта** по-гречески означает «все», а **грюэль** на языке агарян (т. е. потомков Агари, матери ветхозаветного Измаила, родоначальника арабов), означает «жаждущий», поскольку в день его рождения весь мир испытывал жажду из-за страшной засухи, мучающей Африку и Европу больше тридцати шести месяцев. Таким образом, имя это значит «Всежаждущий». Кроме того, добавляет автор книги, отец Пантагрюэля Гаргантюа предвидел, что его сын станет владыкой всех жаждущих не только обычной влаги-воды, но и влаги-вина. И есть и третий подтекст у данного имени, который обнаруживается при знакомстве с жизнью и деятельностью Пантагрюэля – это «жаждущий всех знаний и всего, чему можно научиться». Этот смысл начинает раскрываться в 5-й книге, когда герой посещает различные города и университеты и приобретает в них самые различные знания и умения.

Второй образ – это друг и спутник Пантагрюэля – вечно сомневающийся и неутомимый студент-бродяга Панург, от греч. *panúrghos*

букв. «все делающий, за все берущийся», а также «неразборчивый в действиях или средствах». В этом образе автор олицетворяет народ Франции этой эпохи со всеми его достоинствами и недостатками. И третий образ – монах брат Жан, который выступает как прообраз народа Франции, освобождающегося от своих недостатков. Ведь именно у этого крестьянского сына, инстинктивно чувствующего и приемлющего высокие идеалы гуманизма, зарождается идея Телемского аббатства как одной из возможных моделей справедливого и гуманного сосуществования людей. И вот на этом символическом союзе ищущей передовой мысли гуманизма с народом, тоже ищущим на свой лад новый и более прогрессивный *modus vivendi*, и основан сюжет книг романа. В нем после описания воспитания и молодости отца Пантагрюэля, великана Гаргантюа в первой книге, следуют книги, которые посвящены детству, образованию, деяниям и подвигам самого Пантагрюэля и его друзей. Завершает произведение аллегорическое по своему смыслу путешествие пантагрюэлистов к Оракулу Божественной Бутылки за ответом на комически тревожащий Панурга вопрос – «жениться или не жениться». В богатом приключениями морском путешествии они терпят всякого рода невзгоды, посещают разные «острова» со смехотворными обитателями – олицетворениями косности, фанатизма, неразумия, и эти пережитки старого мира служат для «жаждущих» и «ищущих» пантагрюэльцев доказательствами от противного на их пути к истине.

Итак, читателя романа Рабле впечатляет, прежде всего, комизм речи его персонажей и ситуаций, сопровождающийся смехом во всех его проявлениях. Главный же источник этого смеха – игра на двузначном характере «жажды» у его героев – жажды вина и жажды знаний и истины, и это проявляется через отрицание средневекового идеала, через прославление всестороннего, как телесного, так и духовного удовлетворения потребностей и развития личности. В целом же смех Рабле, хотя и многозначный по оттенкам, но всегда бодрый, радостный, и в его основе извечное народное чувство смеха как признака счастья, довольства, безопасности и здоровья. Ведь смех, согласно доктору медицины Рабле, обладает исцеляющей и возрождающей силой [3, с. 436]. Однако сам Рабле в своем вступительном «Слове от автора» [3, с. 21–22] предостерегает читателя, чтобы тот не воспринимал только наружную и смешную форму написанного, а старался вникнуть в его суть: «читая потешные заглавия некоторых книг моего сочинения, вы можете сделать слишком скороспелый вывод, будто в этих книгах речь идет только о нелепостях, дурачествах и разных уморительных небывальщинах, иными словами вы, обратив внимание только на внешний признак, и не вникнув в суть дела, обыкновенно уже начинаете смеяться и веселиться. Но к творениям рук человеческих так легкомысленно относиться нельзя. А посему раскройте мою книгу и вдумайтесь хорошенько». И здесь Рабле приводит читателям пример, как нельзя сравнивать внешний вид

афинского философа Сократа с его внутренним миром и его настоящей сущностью: «Если бы вы обратили внимание только на его наружность, и стали судить о нем по внешнему виду, то вы не дали бы за него и ломаного гроша: до того он был некрасив и до того у него была смешная повадка: нос у него был курносый, глядел он исподлобья, выражение лица у него было тупое, нрав простой, одежда грубая, жил он в бедности, на женщин ему не везло, не был он способен ни к какому роду государственной службы, любил посмеяться, не дурак был выпить, любил подтрунивать, скрывая за этим божественную свою мудрость. Но откройте этот ларец – и вы найдете внутри дивное, бесценное снадобье: живость мысли сверхъестественную, добродетель изумительную, мужество неодолимое, трезвость беспримерную, жизнерадостность неизменную, твердость духа несокрушимую и презрение необычайное ко всему, из-за чего смертные так много хлопочут, суетятся, трудятся, путешествуют и воюют». Поэтому, считает автор, и читатели его книги после прилежного чтения и долгих размышлений станут от этого и отважнее и умнее.

И, тем не менее, чтение для читателя, считает Рабле, должно быть, прежде всего, веселым, а для этого писателю, по словам автора, «милей писать не с плачем, а со смехом, – ведь человеку свойственно смеяться». Здесь Рабле использует слова Аристотеля в трактате «О частях животных», (фр. 673 а 8), согласно которому из всех живых существ только человеку свойственно смеяться. А самым испытанным, доступным и приятным катализатором смеха и радостного настроения Рабле считает вино, – ту материальную субстанцию, которая и раскрепощает человека, и создает, пусть и кратковременную, иллюзию счастья, довольства, беспечности и здоровья, о чем многократно писали античные поэты. Вот почему вино, как и смех, сопровождает персонажей Рабле на протяжении всего содержания произведения. И в этом отношении все персонажи Рабле, несмотря на их формальную принадлежность к конкретно-историческому позднему средневековью, очень близки людям античного мира с их культом Диониса-Вакха и ежедневным будничным и праздничным присутствием вина во всех сферах жизни. Вот как вкратце характеризует античное понимание вина римский энциклопедист 1 в. до н.э. Марк Теренций Варрон в своих «Менипповых сатирах» [4, с. 412]:

Вино – из всех для всех питье сладчайшее:
Его открыли для целенья хворостей,
Оно – рассадник милого веселия,
Оно – скрепление дружества пирующих.

В контексте темы нашей статьи важно сказать о том, что именно античные греки и римляне заложили основы виноделия во Франции [5]. Ведь первые виноградные лозы были посажены в окрестностях основанной

греками-фокейцами Массалии (современный Марсель) в VI в. до н.э. Дальнейшее развитие виноградарство в Галлии получило, начиная с I в. до н. э., в эпоху владычества Римской империи, когда аллоброги – кельтский народ на юге Галлии – были наделены правом на производство вина. Особое развитие виноделие получило в связи с распространением христианства на территории современной Франции. Следует отметить личность святителя Мартина Турского (316–397), который внёс немалый вклад в популяризацию виноделия и почитается как покровитель французских виноградарей и виноделов. Важно также отметить, что предки современных французов впервые для транспортировки вина стали использовать новую для античности тару – деревянные бочки вместо привычных глиняных амфор. Это было очень важное изобретение, поскольку выдержка в бочках улучшала качество многих вин. Именно деревянная бочка становится единицей измерения вместимости судов, и французское слово *tonneau* (бочка вина), восходящее к галльскому слову *tunná* – кожаный бурдюк с вином, дало начало современному интернациональному слову «тонна» [6].

После падения Римской империи в V веке н. э. и исламизации многих её остатков виноделие приходит в упадок почти везде в Средиземноморье, за исключением Галлии. В период с XII по XV вв. монашество на виноградниках Бургундии и других регионов Франции создало производство лучших вин, и не зря в поэме XIII в. «Битва вин» перечислено около семидесяти сортов французского вина. В XV в. культивирование виноградников стало повсеместным во Франции на землях крестьянства, церкви, аристократов, городской знати и вино стало любимым и единственным общеупотребительным веселящим напитком всех слоев французского общества [5].

Вот такова краткая предыстория того винного изобилия и обильного винопития, которое царит в художественном мире романа Франсуа Рабле.

Наиболее ярко вечная и неистощимая потребность персонажей Рабле «выпить вина» выражена в первой книге романа, посвященной истории рождения великана Гаргантюа, отца Пантагрюэля. Уже во введении к этой книге автор говорит, что на ее сочинение он потратил как раз то время, которое отводил себе для поддержания телесных сил, а именно для еды и питья. Понятно, что под питьем Рабле понимает здесь не столько воду, сколько вино. Он вспоминает знаменитых античных писателей Гомера, Плутарха, Энния, Горация, Овидия и говорит, что они, как и он, наверняка стимулировали свое творчество хорошим вином. Поэтому он считает, что не следует обращать внимания на слова некоего недоумка, написавшего, что от стихов Горация пахнет не столько елеем, сколько вином. «То же самое, – замечает Рабле, – сказал один паршивец и о моих книгах, да ну его! Ибо насколько же запах вина соблазнительнее, пленительнее, восхитительнее и животворнее и тоньше, чем запах еля! И если про меня будут говорить, что

на вино я трачу больше, чем на масло, я возгоржусь так же, как Демосфен, когда про него говорили, что на масло он тратит больше, чем на вино» [3, с. 23]. И закономерно, что именно под знаком грандиозного и всеобщего питья гостей Грангузье, отца Гаргантюа, и рождается первый сказочный персонаж романа Рабле – великан Гаргантюа. Грангузье, ожидая скорого появления своего ребенка, устроил грандиозный пир. Участники пира сначала перекусили, а затем пошли в сад и там, на густой траве, такое пошло у них веселье, что любо-дорого было смотреть. Как говорит автор, «тут бутылочки взад-вперед заходили, окорока заплясали, стаканчики запорхали, кувшинчики зазвенели». Этому веселью, сопровождавшемуся радостными замечаниями и возгласами гостей, автор посвятил целую пятую главу своей первой книги. Приведем некоторые из веселых возгласов пирующих: «наливай!», «не зевай!», «подавай!», «ану-ка, единым духом!», «зальем жажду!», «вечная жизнь для меня в вине, вино – вот моя вечная жизнь».

И, естественно, поскольку большинство участников пира знакомо с университетской и богословской латынью, то на этом вакхическом пиру то и дело звучат и латинские изречения:

Foecundi calices quem non facere dissertum? – Обильные кубки кого не сделали красноречивым? Это фрагмент пятого стихотворения первой книги посланий Горация, который наверняка был знаком многим пирующим, и который мы приведем полностью в переводе на русский язык Н.С. Гинцбурга [2, с. 297]:

Выход чему не дает опьяненье? Тайны раскроет,
Сбыться надеждам велит, даже труса толкает в сраженье,
Душу от гнета тревог избавляет и учит искусствам.
Полные кубки кого не делали красноречивым,
В бедности тесной кому от забот не давали свободу?

Но рты пирующих чаще всего заняты поглощением вина и пищи, и поэтому их слова, как правило, афористически кратки:

Я пью, как губка. А я – *tamquam sponsus* (как жених).
А я – *sicut terra sine aqua* (подобно земле безводной).
Natura abhorret vacuum! (природа не терпит пустоты!).

Немало латинских выражений, связанных потреблением вина, разбросаны по всему содержанию романа. Так, в якобы обнаруженном склепе с родословной Гаргантюа над изображением кубка красовалась надпись «*Hic bibitur*», т.е. «здесь пьют». На пиру перед рождением Гаргантюа звучит призыв «*Respice personam, pone pro duos*» – «Не забывай, с кем имеешь дело, лей на двоих». Упомянутый выше брат Жан, бросаясь на защиту монастырского виноградника и заботясь о будущем вина, обращается к Господу с просьбой: «*Da mihi, Domine, potum!*» – «Даруй мне, Господи,

питье». Обильным возлиянием заканчивается и удивительная дискуссия Панурга, представлявшим Пантагрюэля, с весьма ученым англичанином Тавмастом (греч. *thaumastós* – достойный удивления). Как пишет Рабле, «Пантагрюэль увел Тавмаста обедать, и пили они, как пьют все добрые люди, и до того, что друг друга узнать не могли. На долю каждого пришлось не менее двадцати пяти – тридцати бочек, и пили они, *sicut terra sine aqua* (как безводная земля). Автор романа изображает огромное количество всевозможных ситуаций, в которых его герои имеют дело с вином и на родине, и в чужих краях, куда добирается Пантагрюэль и его команда на протяжении своих удивительных путешествий и где самые причудливые жители тоже пьют вино. И даже в аду, где, согласно тексту романа, побывал один из его героев после своей кратковременной смерти, самые строгие античные моралисты не расстаются с вином. Например, известный римский философ-стоик Эпиктет, девизом которого при жизни были слова *sustine et abstine* (терпи и воздерживайся), на том свете с компанией девиц пьет, танцует, закатывает пиры по всякому поводу и любит сидеть в виноградной беседке, над которой написаны в качестве его нового девиза следующие слова: «Плясать, смеяться и шутить, вино блаженно попивая».

Но вино для Рабле – не просто источник веселья и наслаждения, как для обычного человека, – он называет его единственным источником своего творческого вдохновения. Так, в предисловии к своей третьей книге он говорит следующее: «Погодите, дайте мне хлебнуть из бутылочки, – это мой подлинный и единственный Геликон, моя Гиппокрена, незаменимый источник вдохновения. Только испив из него, я могу размышлять, рассуждать, решать и заключать. Затем я хохочу, пишу и сочиняю. Поэт Энний, выпивая, творил, творя, выпивал. Гомер никогда не писал натошак. Катон писал только после возлияния. Попробуйте теперь мне сказать, что я не руководствуюсь примером людей высокочтимых и уважаемых» [3, с. 277–279]. И не удивительно, что Рабле сравнивает свой творческий потенциал с винной бочкой, из отверстия которой он отцеживает, как драгоценное вино, слова своей изысканной книги. Я отцежу, говорит Рабле, возникшую из наших послеобеденных вольных забав изысканную третью книгу, а за третьей последует и развеселая четвертая книга пантагрюэлических сентенций, и я разрешаю вам называть их диогеническими. Здесь писатель сравнивает свое виртуальное вместилище творческой потенции с бочкой Диогена, служившей, как известно, не только вместилищем вина, но и обителью одного из самых светлых умов античности. И дальше автор, аллегорически сравнивая чтение своего романа с питьем вина, призывает своих читателей приобщиться к бочке его опьяняющих, веселых и свободных откровений: «А ну-ка, братцы, выпьем! Полней стаканы, друзья! Все жаждущие, если же хотят и если вино по вкусу их превосходительному превосходительству, то пусть пьют открыто, свободно, смело, пусть ничего

не платят и вина не жалеют. И не бойтесь, что вина не хватит: бочка моя пребудет неисчерпаемой. В ней бьет живой источник, вечный родник. Это подлинный рог изобилия, изобилия веселий и шалостей» [3, с. 277]. И не случайно автор своей книги включает аллегорическое и фантастическое путешествие своих героев-пантагрюэлистов к «оракулу Божественной Бутылки» где-то близ Китая в Верхней Индии, чтобы узнать, нужно ли жениться Панургу. Во время описания этого путешествия автор находит немало возможностей напомнить своим читателям об употреблении вина. В частности, в пятьдесят девятой главе четвертой книги изображаются события на острове правителя Гастера, т.е. «желудка», где царит культ еды и питья. На острове Гастера путешественники из Франции всласть поели и попили и даже поправили свое здоровье. Общее настроение высказал Панург: «Слава Богу, я уже ни на что больше не злюсь, – я веселюсь, я смеюсь, я резвлюсь». И, добавляет он, «хорошо говорит у Еврипида достопамятный пьянчуга Силен в драме «Киклоп»: «Не дали боги разума тому//, кто пьет вино, не радуясь ему».

Заканчивается повествование Рабле прибытием команды пантагрюэлистов к месту нахождения Оракула большой бутылки. Здесь, хотя это и некий край света на дальнем востоке, во всем ощущается царство Бахуса, который, оказывается, некогда уже побывал здесь и насадил обширный виноградник из множества пород виноградной лозы. И вот наши путешественники на пути к храму спускаются под землю по переходу, расписанному фресками, изображающими пляску женщин и сатиров, которые сопровождают старика Селена, сидящего на осле и заливающегося хохотом. При этом выяснилось, что в винном погребке известного пантагрюэлистом города Шинона, родины Рабле, живопись на стенах точно такая, как здесь.

Оказавшись в храме Божественной бутылки, построенном из драгоценных камней, путешественники увидели в стене две плиты. На одной из них был высечен латинскими буквами шестистопный ямб: *Ducunt volentem fata, nolentem trahunt* – «Ведут покорных судьбы, не желающих – влекут». На другой – греческое изречение: *Πρὸς τέλος αὐτῶν πάντα κίνεται* – «Все движется к своей цели». Надписи эти, очевидно, отражали конечный путь путешественников. Вышедшая им навстречу жрица храма приказала принести всем кубки и чаши и предложила испить влаги, струившейся из фонтана. И тут оказалось, что каждый, пьющий эту влагу, в меру своего воображения ощутил вкус какого-то превосходного сорта вина. Наконец, жрица повела Панурга к кладезю знаний – божественной хрустальной бутылке, помещенной в фонтан. Исполнив ей гимн, жрица что-то бросила в фонтан, после чего священная бутылка издала слово «Тринк», а затем жрица отвела Панурга в главный храм, где вытащила толстую книгу в серебряном переплете, дала Панургу выпить бутылку фалернского вина и раскрыла суть

данного ему предсказания. Оказалось, что предсказание «Тринк» значит «пей!», и смысл его в том, что именно вину дарована власть наполнять душу истиной, знанием и любомудрием и что истина сокрыта в вине, как и провозглашали греческие поэты (ср.: οἶνος καὶ ἀλήθεια, «вино и (в нем) истина» у Алкея). Поэтому, сказала жрица, «божественная бутылка к нему вас и отсылает, а уж теперь вы сами удостоверьтесь, насколько она права». Преисполнившись этим пророчеством, Панург произносит длинный стих, в котором изъявляет готовность, возвратившись на родину, тут жениться и завести детей. После этого жрица храма Божественной бутылки раскрывает гостям некоторые тайны мироздания и позволяет им благополучно возвратиться к своим кораблям, на чем и заканчивается данная книга и все произведение Рабле.

Как видим, таковыми значительными оказались в романе Рабле сила и влияние вина на судьбу и поведение не только одного Панурга, но и всех остальных главных пантагрюэлистов. Эта тема в романе постоянно ассоциируется с античностью, и античный Вакх продолжает свое веселое и триумфальное шествие по страницам ренессансной реальной и вымышленной географии художественной действительности романа Рабле. Жажда знаний его реальных и фантастических героев реализуется в тесном союзе с вином, способствующим свободному, веселому и радостному познанию как простых, так и сложных житейских истин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. – М.: Худож. лит., – 1990. – 543 с.
2. Гораций. Собрание починений. – Санкт-Петербург: Биографический институт. Студия биографика, 1993. – 447 с.
3. Рабле, Франсуа. Гаргантюа и Пантагрюэль. / Перевод с французского Н.М. Любимова. – М.: Правда, 1991. – 617 с.
4. Римская сатира: Пер. С латин./ Сост. и науч. подгот. текста М.Гаспарова; Предисл. В.Дурова; Коммент. А.Гаврилова, М.Гаспарова, И.Ковалевой и др.; Худож. Н.Егоров. – М.: Худож. лит., 1989. – 543 с.
5. Wikipedia. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/История_французского_вина. – Дата доступа: 10.01.2024.
6. Wiktionnaire. – Режим доступа: <https://fr.wiktionary.org/wiki/tonne#reference-2>. – Дата доступа: 10.01.2024.